

Иван Андреевич любил день своего рождения с детства. Гости приносили подарки и радость в скучную размеренность жизни. И так вошло это в его натуру, что какой бы день рождения он ни отмечал, всегда предчувствовал нечто приятное. Правда, когда-то в этот день мама заставляла его надевать колючую, накрахмаленную рубашку, но и это не мешало ощущать праздник.

Сегодня он отмечал своё шестидесятилетие. А потому — новый костюм, свежая рубашка и даже одеколон. Рубашка была мягкой, хлопчатобумажной, в ней дышало тело, а воротничок не натирал шею. Последнее было особенно важно для Ивана Андреевича, поскольку кожа у него была нежной. Как, впрочем, и душа... Он ждал, что сегодня он наконец-то получит долгожданную признательность за свой многолетний труд в родном НИИ. Нет, конечно, не орден, не медаль, но хотя бы приказ из министерства, приветственный адрес. Он всегда знал, что когда-нибудь его обязательно отметят. А в этот день он представлял себя окружённым друзьями, молодёжью, смотрящей на него с уважением, и надеялся на присутствие высокого институтского начальства.

Конечно, было бы хорошо отпраздновать юбилей в ресторане. Но прожив свою жизнь скромно, по-хорошему бедно, Иван Андреевич привык к тощему кошельку бывшего советского, а ныне российского инженера, и потому был

готов ограничиться пирожками и салатами, приготовленными женой Антониной Фёдоровной.

Когда-то Антонина Федоровна, его Тонюшка, была хороша: тёмные густые волосы, тонкий стан. Нравилась она не только Ивану, но и его приятелям. Однако в мужья выбрала именно Ивана Андреевича. Это был брак по расчёту: Тоня часто слышала, как однокурсники Ивана восхищались его математическими способностям. С такой головой, думала Тоня, он и до академика доберётся... Однако Иван Андреевич не только не стал академиком, он даже не выбился в руководство института. Поэтому ей всю жизнь пришлось ходить на работу пешком, бегать по магазинам и печь пирожки.

На эти-то пирожки Иван Андреевич в день своего рождения как раз и рассчитывал. К пирожкам у них в институтском коллективе до сих пор отношение было трепетное, и если кто из мужиков приносил их на торжество, то все говорили: "Повезло с женой".

Увы, в последнее время Антонина Фёдоровна не горела желанием стряпать. Вечером накануне юбилея Иван Андреевич нервно поглядывал на часы и в окно... Антонина Фёдоровна задерживалась. Когда же явилась, бросила пакеты с продуктами на стол, обругала сначала продавцов, потом весь белый свет, и пришлось Ивану Андреевичу сдирать наклейки с пластиковых упаковок с салатами, чтобы сослуживцы не догадались, что они куплены в супермаркете. Он, правда, хотел спросить у неё про пирожки, но только смиренно вздохнул.

Но то было вечером, а утром в приподнято-торжественном настроении он шёл через проходную, где ещё недавно сидел живой дядя Паша, когда-то ушедший на фронт из их института. Правда, вернувшись, столяром, как прежде, он работать не мог, поскольку потерял руку, но вахтёр из него получился сговорчивый. Теперь вместо дяди Паши стоял стальной турникет, мимо несгибаемой руки которого не проскочишь до тех пор, пока не сунешь ему в пасть пластмассовую карточку: время прибытия, убытия... Ничего личного.

Если раньше их отдел занимал целый этаж, то теперь он сжался до одной комнаты, где когда-то размещалась институтская техническая библиотека. Иван Андреевич хорошо помнил, как они с дядей Пашей помогали перетаскивать библиотечные каталоги во двор, где полыхал костёр. Рядом с костром, на перевёрнутом каталожном ящике сидела библиотекарша. Опустив голову, она время от времени подбрасывала в огонь библиотечные карточки, которые в начале своего трудового пути заполняла от руки, потом на пишущей машинке "Ятрань". Перевести каталог на жёсткий диск она не успела... Иван Андреевич тогда подошёл к библиотекарше.

— Смотри, Иван Андреевич, как на Опернплаце, — сказала она и добавила: — "Сожгите меня", помнишь, у Брехта?

Библиотекаршу, и правда, скоро сожгли. И дядю Пашу следом. В крематории... А после этого увезли куда-то институтское оборудование вместе с мебелью.

Освобождённые помещения, большие, просторные, светлые, с высокими потолками — ну, сталинский амфир, — разделили перегородками на офисы, и в них теперь вращались какие-то арендаторы. Чем они там занимались, никто из институтских не знал, но Ивану Андреевичу порой казалось, что из-под дверей в коридор нет-нет да пробивается запах денег.

Время от времени к зданию института подъезжали автомобили прокуратуры, и тогда на улицу выбегали арендаторы с испуганными лицами. На удивлённые взгляды сотрудников института охранники лишь разводили руками.

После очередного исчезновения арендаторов в коридоры выползали сотрудники института. Их ноздри жадно втягивали воздух свободы. Мужчины трясли друг другу руки, женщины оживлённо ворковали. Однако проходила неделя-другая, и в опустевшие помещения въезжали новые арендаторы, с новой офисной мебелью и оргтехникой. Иван Андреевич с удивлением смотрел на незнакомых людей, которые стояли на лестничных площадках, курили

и перекидывались впечатлениями. Иногда до него доносились обрывки фраз, в которых звучали мерзкие слова “бабло”, “тусовка”, “прикид”. С особенным недоумением смотрел он на бледных девиц с разноцветными ногтями: их одежда казалась ему непристойной, а лица — пустыми. И ещё он не мог понять, почему вдруг женщины стали выше мужчин?! В смысле роста. Но больше всего Ивана Андреевича поразило Анатолий Максимович, Толя, его однокурсник, выросший до директора их института, которого он частенько видел смеющимся среди этих новых и чуждых по духу людей.

“Что стало с его лицом?” — думал в последнее время Иван Андреевич.

Однако сегодня его волновало, придёт ли Толя в их закуток и вызовет ли его к себе в кабинет? С этими мыслями Иван Андреевич шёл к двери своего отдела, спеша поскорее оказаться среди своих. Как-то месяца два назад, поднимаясь по лестнице, он услышал, как кто-то из офисных бросил ему вслед: “Смотри, какой перец пошёл!” — и стоящие рядом с ним рядом глумливо расхохотались, а кто-то из них потом ещё добавил: “Балласт!”

Это последнее слово так задело Ивана Андреевича за живое, что он до сих пор негодовал: “Какой же балласт, у меня и авторские есть, и внедрения. А что эти могут?” И всё же отвратительное слово присосалось к нему, как пиявка, и он лишь сокрушённо качал головой, будто открывая для себя что-то новое, страшное. Помнится, в тот вечер, придя домой, он с возмущением рассказал об этом жене и неприятно поразился тому, что она не разделяла его негодования. Ему даже показалось, что при слове “балласт” на её лице промелькнула злорадная улыбка...

Но жизнь продолжалась, и по утрам Иван Андреевич надевал джинсы, втискивался в автобус, потом почти бежал, совал в стальную пасть турникета пластмассовую карточку и, пыхтя, поднимался в свой отсек, нет-нет да вспоминая это словечко, от которого ему становилось тошно.

И вот сегодня, в день своего рождения, он вдруг почувствовал себя как-то неуютно. Может быть, оттого что на нём был костюм? Он никогда и не надел бы его, если бы не торжественная дата.

— Неприлично, — несколько дней до этого твердила ему жена, — перед начальством и в джинсах. У тебя же костюм ненадёванный.

— Жена заставила меня его надеть, — оправдывался Иван Андреевич перед сотрудниками, — а я костюмы терпеть не могу.

— Да уж, — посмеивались сотрудники, — тебя, Иван Андреевич, прямо как в гроб обрядили.

Иван Андреевич заставлял себя улыбаться, а в голове крутилось проклятое “балласт”.

После обеда дали, наконец, команду праздновать. Выпивки было достаточно, но Иван Андреевич и рюмки не выпил: вызовут наверх, а от него — пахнет. Неудобно.

Но не вызвали...

А на следующий день к ним в отдел зашла кадровичка, сунула Ивану Андреевичу приказ и попросила расписаться.

“Уволить в связи с уходом на пенсию”, — прочитал Иван Андреевич, и его лицо побледнело. Ладонью левой руки потер шею и... расписался правой, не веря, что это про него. Вышел в коридор, пошёл к кабинету директора, но Анатолия Максимовича на месте, конечно, не оказалось...

С тех самых пор с утра до вечера лежал он на диване, щёлкал пультом телевизора. Все передачи были отвратительны. Похожие друг на друга девицы с неестественно раздутыми губами преследовали его. “Неужели все они шлюхи?” — думал он и с раздражением выключал телевизор. Однажды Иван Андреевич решил, что хватит страдать на диване и пора позаниматься с внуками. Но вдруг оказалось, что ни математику, ни физику он не помнит... Скоро он совсем слёг, и его Тонюшка теперь крутилась, как белка, зарабатывая деньги в какой-то мутной страховой компании.

— На мужиках далеко не уедешь, — любила повторять она подругам и, обводя рукой комнату, добавляла:

— Все сама — и ковёр, и хрусталь...

Иван Андреевич лежал пластом, и от него пахло чем-то старым и большим. Он чувствовал, что становится обузой для жены, и часто повторял про себя то мерзкое словечко, брошенное ему однажды в спину.

Как-то встретив на улице школьную подругу, Антонина Фёдоровна возопила:

— Не могу больше! Мы с мужем в одной комнате, в другой — дети да внуки.

— А ты перевези его на дачу, — посочувствовала подруга.

— Ты думаешь? Только это ведь щитовой домик на болоте.

— Да ничего с твоим мужем не случится! Есть один таджик. Он у меня на даче всё лето работал. У него даже паспорта нет, так что готов на всё! Только ты его деньгами не балуй. Корми и ладно. Что ему ещё?

В ноябре Ивана Андреевича повезли на дачу.

Когда машина подъехала к участку, пошёл мелкий холодный дождь. Худющий таджик по имени Ахмат в какой-то бабьей накидке уже поджидал их у забора. Увидев приезжих, Ахмат заулыбался, начал лопотать что-то тарбарское.

— За ноги его крепче держи, тащи на себя, — с раздражением говорил таджику сын Ивана Андреевича, когда они вытаскивали отца из машины. Сын Ивана Андреевича был неуклюж, толст и не слишком подходил для успеха, но изо всех сил пытался понравиться новой жизни: ещё весной обрил голову, повесил на грудь золотую цепь с массивным крестом и даже купил праворульный джип. Теперь он старался смотреть на людей безразличным холодным взглядом, но его пухлые, немного детские губы выдавали его с головой.

Ивана Андреевича кое-как дотащили до крыльца. Антонина Фёдоровна пыталась открыть замок, но ключ не поворачивался.

— Потерпи, Иван Андреевич. Что ты ноешь, как маленький? — раздражённо говорила Антонина Фёдоровна.

Но ни она, ни сын дверь открыть не смогли. Замок открыл Ахмат.

В доме было холодно и сыро. Антонина Фёдоровна показала Ахмату на буржуйку и сказала:

— Топи чаще. В лесу сушняк навалом. Так что холодно вам не будет...

Иван Андреевич посмотрел на жену, на пар, который шёл у неё изо рта, и тихо сказал:

— Тоня, привези мне молитвослов...

С тех пор началась у Ивана Андреевича новая жизнь. Жена Ивана Андреевича навещала его не часто, на электричке не наездишься, сын же сразу предупредил, что у него куча дел и ездить туда-сюда он не собирается. Поэтому случались дни, когда продовольственные запасы у Ивана Андреевича и Ахмата заканчивались, и тогда Ахмат шёл в магазин за шоссе и там, если везло, за небольшую плату разгружал фургоны с товаром. Как-то Ахмат раздобыл на свалке старый велосипед, на котором теперь время от времени объезжал садовые участки, предлагая дачникам рабочую силу: чинил забор, бетонировал подвал... Поздно вечером возвращался домой с продуктами. Иван Андреевич, глядя, как Ахмат чистит картошку, думал: "Неужели ворует?"

Иногда Ахмат расстилал коврик и начинал молиться. Ивану Андреевичу тогда тоже хотелось молиться. "Может, какой-нибудь Бог нас и услышит!" — думал он, хотя помнил только "Господи, помилуй!"

Когда Ивану Андреевичу становилось особенно плохо, Ахмат молился без устали, и через некоторое время Иван Андреевич засыпал. Уснув, Иван Андреевич стонал. Два сна постоянно преследовали его. В одном он будто идёт

по тёмному институтскому коридору. У кабинета Анатолия Максимовича горит тусклая электрическая лампочка. Иван Андреевич замечает, что идёт он по узкой половице, а вокруг него грязная жижа, в которой плавают чертежи и схемы. Наклонившись, он видит, что это его авторские свидетельства, его незащищенная диссертация. Он пытается поднять их и падает в грязь... Во втором сне они с сыном гуляют вдоль железной дороги: зелень, жёлтые одуванчики. Сын его, маленький, розовощекий, бежит впереди него, вдоль железной дороги, а по рельсам мчится состав с бревнами. Потом эти бревна начинают сыпаться прямо на сыночка. “А-а!” — кричит Иван Андреевич...

Как-то Ахмат сказал ему:

— Больше молись. Я молюсь, и мне Аллах помогает. Он и тебе поможет.

Иван Андреевич улыбнулся. Он уже давно непрестанно молился про себя. И молитва не только утешала его, но и поднимала словно на крыльях над этой промозглой жизнью.

Как-то Иван Андреевич сидел у окна и вдруг увидел идущую к дому Антонину Фёдоровну. Иван Андреевич удивился, как жена вдруг помолодела. “Конечно, — подумал он, — теперь она живёт без балласта!” И мелькнула мысль, что, может быть, она никогда не любила его и всегда жалела о том, что вышла за него, дурака, а не за красавца Толю, ставшего директором института...

Антонина Фёдоровна буквально ворвалась в комнату. Не поздоровавшись с Иваном Андреевичем, она принялась сбивчиво рассказывать ему что-то такое, чего Иван Андреевич никак не мог понять и всё пугался, не случилось ли что с сыном или внуками. Наконец до него дошло, что институт, где когда-то работал Иван Андреевич, закрыли и теперь там будут апартаменты.

— А как же Толя? — взволнованно спросил Иван Андреевич.

— Толя теперь... никто. На Кипр собрался и... знаешь, меня с собой пригласил, — покраснев, сказала Антонина Фёдоровна, потом добавила:

— Завтра вы с Ахматом должны отсюда съехать. Валерик наш участок продал. Кредиты у него, долги.

Иван Андреевич опустил глаза и уже хотел спросить: “Куда же нам?” — но вдруг ему стало мучительно стыдно, так стыдно, что он даже покраснел.

— Ты что? — закричала Антонина Фёдоровна.

Но Иван Андреевич не ответил ей, и лицо Антонины Фёдоровны пошло пятнами. Как ошпаренная, она выскочила на улицу. Быстро, почти бегом, пошла на станцию, то и дело восклицая: “Да пропадите вы все пропадом!”

Потом, зажав себе рот ладонью, завывала.

Плакала Антонина Фёдоровна и в электричке, и уже поздно вечером дома. А после того, как в их квартиру ввалились какие-то бритоголовые мужчины, и вовсе зарыдала в голос, потому что Валерик сказал ей: “Мама, теперь эта квартира не наша...”

На вопрос, куда ей податься, сын промямлил, что у неё подруг полгорода. Подруг у Антонины Фёдоровны было действительно много, и уже на следующий день ей удалось въехать к одной из них на пару недель.

Но теперь, что бы ни делала Антонина Фёдоровна, её мучили мысли об Иване. Ей казалось, что если бы сейчас рядом был Иван, всё могло быть иначе. Ночью, когда она пыталась заснуть, Иван являлся ей, бледный или весь красный, и после этого у нее бешено колотилось сердце и перехватывало дыхание...

И однажды она не выдержала ночных пыток — решила съездить туда, где оставила мужа на произвол судьбы. Пока Антонина Фёдоровна ехала в электричке, её воображение рисовало страшные картины: то ей казалось, что тело Ивана Андреевича валяется где-то в кустах, то оно лежит распластанное на дне котлована, и его терзают вороны. Он даже представлялся ей

залитым раствором бетона в качестве одного из столбов под новую дачу. Мысли путались, она хваталась за виски и пыталась не думать о том, что ждёт её на бывшей даче.

Когда Антонина Фёдоровна вышла из электрички, её волнение усилилось. По мере того, как она приближалась к участку, ноги шли всё медленнее. И вдруг она увидела то место, где ещё пару недель назад стояла их дача: ни дома, ни беседки, ни яблонь у веранды. Только утрамбованная песчаная площадка, и на ней несколько строителей, откидывая комья сырой земли, копают узкую траншею.

— Вам чего? — спросил один из них.

— Ничего. Я так, — испуганно произнесла Антонина Фёдоровна.

— Иди, мать, не мешай, — мрачно посоветовал ей другой строитель.

Антонина Фёдоровна отошла от площадки, но далеко уйти не смогла: принялась кружить в окрестностях, уверенная в том, что муж где-то здесь. Ей представлялось, что ещё живой Иван Андреевич там, бледный с заваленными песком глазами и ртом, хочет пошевелиться и не может...

— Иван! — шептала она и всё ходила между участками, на которых поднимались островерхие крыши нойшванштайнов, плутала по кроной траве, пока вдруг не заметила Ахмата, выезжавшего из-за кустов на велосипеде.

Когда Ахмат исчез, Антонина Фёдоровна вошла в заросли. С трудом продираясь сквозь хватающие её за плечи ветки, вышла на небольшую поляну и тут заметила нечто необычное, что заставило её остановиться. Откуда-то из-под земли выходило тепло, ломающее воздух. Подойдя поближе, она наткнулась на какую-то тряпицу, прикрывавшую вход в погреб. Осторожно сдвинула её в сторону, заглянула. Там внизу, во тьме, что-то шевелилось. Антонина Фёдоровна испуганно отпрянула. В висках застучало. Заглянула опять и, кажется, увидела лежащего там человека. Она даже заметила блеск его глаз. Не оглядываясь, бросилась прочь. Она бежала через заросли, мимо сваленного у дороги строительного мусора, в котором шевелились от ветра обрывки старых обоев, тряпки...

“А если это всё же не Иван? — пронзала её отчаянная мысль. — А кто же тогда? Иван, конечно Иван!” — успокаивала она себя и шла, с трудом вытаскивая ноги из грязи...

Казалось, что земля уходит у неё из-под ног. Всё плыло у неё перед глазами, и Антонина Фёдоровна вдруг осознала, что без Ивана идти ей некуда, да и незачем. Остановившись, она уже хотела вернуться к землянке, но только сейчас заметила, что уже спускается с горы, в которую превратилась мусорная свалка. Сил вернуться у неё не было. Она стояла и стояла, одна среди мусора, а где-то совсем рядом из-под земли поднимался едкий дым и перепрыгивали с места на место огненные языки.